

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

Съ дозволенія Правительства.

1825.

I.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. Р.

*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait. . . .*

**Межъ шѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираешь,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте шѣнь его внимаешь,

Зовешь мсня другая шѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спрданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.**

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
 Пѣвцу возвышенной мечпы
 Звучишь незнаемая лира.
 Пою. Мнѣ внемлешь онъ и ты.

Подьялась вновь успалая сѣкира
 И жертву новую зовешъ.
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поешъ ¹.

Заупра казнь, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Проспите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будешь почивашъ въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье;

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;

Спрашисесь возбудишь слезами подозрѣнье;

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресупленье:

О брашъ сожалѣшь не смѣешь нынѣ брашъ.

Еще жъ одна, мольба: вы слушали шокрапъ

Спихи, лепучихъ думъ небрежныхъ созданья,

Разнообразныя, завѣшныя преданья

Всеи младости моеи. Надежды, и мечшы,

И слезы, и любовь, друзья, сіи лишы
Всю жизнь мою храняшъ. У Авеля, у Фанни ²,
Молю, найдише ихъ; невинной музы дани
Сберише. Спрогій свѣшъ, надменная молва
Не будупъ вѣдашъ ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падешъ: мой нездрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній;
Я скоро весь умру. Но, шѣнь мою любя,
Хранише рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ; шолпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда чашашъ мой свешокъ вѣрной,
И, долго слушая, скажише: эшо онъ;
Вошъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду незвидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, можешъ бышъ, упѣшенъ буду я
Любовью; можешъ бышъ, и Узница моя ³,
Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимаю...»

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавиць шомны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и спиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни шѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладосшную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злапую младосшь;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радосшь,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и спихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ, Вакхической превогой ушомясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспалась,

Я упрямъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!
Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и проспой,
Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,
Гдѣ спрасши дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлашь было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и пишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управляшь спроптивыми конями
И крупо напругашъ безильныя бразды?
И что жъ осшавлю я? Забышые слѣды
Безумной ревности и дерзосши ничшожной.
Погибни, голось мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропотъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэшь:

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;

Ты презрѣль мощнаго злодѣя;

Твой свѣпочъ, грозно пламенѣя,

Жестокимъ блескомъ озарилъ,

Совѣшь правителей безславныхъ 4;

Твой бичъ наспигнулъ ихъ, казнилъ

.

Твой сѣпихъ свиспаль по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, шы славиль Немезиду;

Ты пѣль Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и дѣву-эвмениду!

Когда свяшый старикъ опъ плахи оприваль

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку даль,

И передъ вами шрепешаль

Ареопагъ остервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй шеперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуешь тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалёкъ:

Падешь, тиранъ! Негодование

Воспрянешь наконецъ. Ощечесства рыданье

Разбудишь ушомленный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты спускай за мною;

Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ воспорженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ

Блѣднѣлъ предъ утренней зарёю,

И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ

Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!

Звучашъ ключи, замки, запоры.

Зовуть... Поспой, поспой; день только, день одинъ:

И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа 5.

Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.

Но дружба смертный пушъ поэта очаруетъ 6.

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешь 7...

Плачь, муза, плачь!...

II.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медиль я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлешь.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлешь...
Минушу!.. вспыхнули... пылають... легкій дымъ
Віясъ перяется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утрапя впечатлѣнье;
Растопленный сургучъ кипишь... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя черты
Бѣлѣють... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Ошрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣно преклоненный,
Я на тебя глядѣль и думаль: ты моя;
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ ошь въпреннаго свѣта,
Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
Успавъ ошь долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы превожись приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ помипельные взоры
И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?

Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я сѣсенное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Спою,
Какъ пушникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ ты мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

IV.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнужь веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравствують нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно
Въ густое вино
Завѣшныя кольца бросайте!

Подыместъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствують музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

V.

Если жизнь тебя обманешь;

Не печалься, не сердись!

Въ день унынія смирись:

День веселья, вѣрь, настанешь.

Сердце въ будущемъ живешь;

Настоящее уныло:

Все мгновенно, все пройдетъ;

Что пройдетъ, то будетъ мило.

VI.

С А Ф О.

Счастливый юноша, ты всёшь меня плънилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

VII.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглахъ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣпныхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :
Ты въ немъ и видишь , и лепашь ,
И вновь живешь , и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ .

А я , коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль отрады ,
Я не хочу другой награды :
Недаромъ темною стезёй
Я проходилъ пустыню міра ,
О нѣшь , недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой !

VIII.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное виденье,
Какъ гений чистой красоты.

Въ помленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсыпалъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты,

Въ глуши, во мракъ започенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вновь опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ ,
И для него воскресли вновь
И божество , и вдохновенье ,
И жизнь , и слезы , и любовь .

IX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?

Давай мнѣ мысль какую хочешь:

Ее съ конца я завоспряю,

Лешучей рифмой оперю,

Вложу на шепиву шугую,

Послушный лукъ согну въ дугу,

А шамъ пошлю наудалую,

И горе нашему врагу!

Х.

Д В И Ж Е Н И Е.

Движенья нѣшь, сказалъ мудрецъ брадашый.
Другой смолчалъ и спалъ предъ нимъ ходишь.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразишь;
Хвалили всѣ опивъшь замысловашый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводишь:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходишь,
Однако жь правъ упрямый Галилей.

XI.

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь щеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

XII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракъ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчишь, и свищешь, и гремишь;
Но безшолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое швердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею шо же.
Накуковали намъ шоску!
Хошь убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Ошь элегическихъ куку!

XIII.

С О В Ё Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя лешаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не спрашь учшивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смиришь ихъ родъ упрямой.
Сердишься грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

XIV.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной

Она помилась, увядала...

Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая тѣнь уже лепала;

Но недоступная черта межъ нами ешь.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,

И равнодушно ей внималъ я.

Такъ вопъ кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, шомпсельной поскою,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной тѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни тѣни.

XV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняешь лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребришь морозъ увянувшее поле,
Проглянешь день какъ будшо по неволѣ,
И скроешия за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминь, въ моей пуспынной кельѣ;
А шы, вино, осенней спужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минушное забвенье горькихъ мукъ.

Печалень я : со мною друга нѣтъ ,
 Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку ,
 Кому бы могъ пожашь опъ сердца руку
 И пожеласть веселыхъ много лѣтъ .
 Я пью одинъ ; вошще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зовешъ ;
 Знакомое не слышно приближенье ,
 И милаго душа моя не ждешъ .

Я пью одинъ , и на берегахъ Невы
 Меня друзья сегодня именуютъ
 Но многіе ль и шамъ изъ васъ пируютъ ?
 Еще кого не дощипались вы ?
 Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ ?
 Кого опъ васъ увлекъ холодный свѣтъ ?
 Чей гласъ умолкъ на брашской перекличкѣ ?
 Кто не пришель ? Кого межъ вами нѣтъ ?

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерпалъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливыи путь!.. Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шумя,
И съ той поры въ моряхъ швоя дорога,
О волнь и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечшались тебѣ;
Ты проспираль изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повпорялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, бышь можешь, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сросшася онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бь ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское - село.

Изъ край въ край преслѣдуемъ грозой,
Запущанный въ сѣпяхъ судьбы суровой,
Я съ препетомъ на лоно дружбы новой,
Успавъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ доверчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой преданъ нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обитали пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэша домъ опальный,
О * * * мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все топъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Спупая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и брашски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главою поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О * * * мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ лезали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я прашилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музъ не терпишь суестьи;
Прекрасное должно бышь величаво:
Но юность намъ совѣщуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...

Опомнимся — но поздно! и уныло

Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя шамъ.

Скажи, * * *, не по ль и съ нами было,

Мой братель родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоить міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго разказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую ошрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я,
Исполнится завѣтъ моихъ мечпаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подьяшыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!

И всю до дна въ честь нашего союза!

Благослови, ликующая муза,

Благослови: да здравствуетъ Лицей!

Наспавникамъ, хранившимъ юность нашу,

Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,

Къ устамъ подьявъ признательную чашу,

Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тупь!

Увы, нашъ кругъ часы отъ часу рѣдѣетъ;

Кто въ гробъ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;

Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;

Невидимо склоняясь и хладѣя,

Мы близимся къ началу своему...

Кому жь изъ насъ подь старость день Лицея

Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнишь насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ опрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведётъ,
Какъ нынѣ я, запворникъ вашъ опальной,
Его провель безъ горя и заботъ.

XVI.

Ж Е Н И Х Ъ.

Три дня купеческая дочь
Нашаша пропадала ;
Она на дворъ на шретью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Нашашѣ спали приступать.
Нашаша ихъ не слышишь ,
Дрожишь и еле дышишь.

Тужила мать, тужиль отецъ,

И долго приступали,

И опсшудились наконецъ,

А тайны не узнали.

Напаша спала, какъ была,

Опять румяна, весела,

Опять пошла съ сестрами

Сидѣшь за ворошами.

Разъ у песовыхъ у ворошь,

Съ подружками своими,

Сидѣла дѣвица — и вошь

Промчалась передъ ними

Лихая пройка съ молодцомъ.

Конями, крышыми ковромъ,

Въ саняхъ онъ стоя правишь

И гонишь всѣхъ и давишь.

Онъ , поровнявшись , поглядѣлъ ,

Наташа поглядѣла ,

Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ ,

Наташа помершвѣла.

Спрямглавъ домой она бѣжитъ.

Онъ ! онъ ! узнала ! говоришь ,

Онъ , точно онъ ! держите ,

Друзья мои , спасите !

Печально слушаетъ семья ,

Качая головою ;

Отецъ ей : « милая моя ,

Откройся предо мною.

Обидѣлъ кто тебя , скажи ,

Хоть только слѣдъ намъ укажи. »

Наташа плачетъ снова.

И болѣе ни слова.

Наустро сваха къ нимъ на дворъ

Нежданая приходишь.

Нашашу хвалишь, разговоръ

Съ опцомъ ея заводишь:

« У васъ шоварь, у насъ купецъ;

Собою парень молодець,

И сшашной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

« Богатъ, умень, ни передъ кѣмъ

Не кланяешся въ поясъ,

А какъ бояринъ между шѣмъ

Живешь, не безпокоюсь;

А подарить невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перстни золошые,

И плашья парчевыя.

« Кашаясь, видѣль онъ вчера
Ее за ворошами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами? »
Она сидишь за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видишь мѣста.

« Согласень, говоришь отецъ;
Сшупай благополучно,
Моя Наташа, подь вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устройшь,
Чшобъ дѣтушекъ покоишь. »

Нашаша къ стѣнкѣ уперлась

И слово молвить хочешь —

Вдругъ зарыдала, запряслась,

И плачешь и хохочешь.

Въ смященьи сваха къ ней бѣжитъ,

Водой студеною поишь

И льешь осшашокъ чаши

На голову Нашашаи.

Крушишься, охаешь семья.

Опомнилась Нашаша,

И говоришь: «послушна я,

Святая воля ваша.

Зовише жениха на пиръ,

Пекише хлѣбы на весь мѣръ,

На славу медъ варише,

Да судъ на пиръ зовише. г

« Изволь, Наташа, ангель мой!

Готовь тебѣ въ забаву

Я жизнь отдать! » — И пирь горой;

Пекуть, варятъ на славу.

Вопь гости честные нашли,

За столь невѣсту повели;

Поютъ подружки, плачутъ,

А вопь и сани скачутъ.

Вопь и женихъ — и всѣ за столь.

Звеняшь, гремяшь спаканы,

Заздравный ковшъ кругомъ пошоль;

Все шумно, гости пьяны.

Женихъ. «А что же, милые друзья,

Невѣста красная моя

Не пьешь, не ѣшь, не служишь:

О чемъ невѣста тужишь?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ :

« Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ ,

И день и ночь я плачу.

Недобрый сонъ меня крушитъ. »

Отецъ ей: « что жъ твой сонъ гласитъ?

Скажи намъ , что такое ,

Дитя мое родное? »

« Мнѣ снилось , говоритъ она ,

Зашла я въ лѣсъ дремучій ,

И было поздно ; чуть луна

Свѣтила изъ-за тучи ;

Съ тропинки сбилась я : въ глуши

Не слышно было ни души ,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

« И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я къ ней спущу — молчашь. Зову —
 Опвѣща нѣшъ; съ мольбою
 Дверь ошворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
 Вездѣ серебро, да злапо,
 Все свѣшло и богашо. »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ ?

Знашь жить шебѣ богашо. »

Невѣста. « Посшой, сударь, не кончень онъ.

На серебро, на злапо,

На сукна, коврики, парчу,

На Новгородскую камчу

Я молча любовалась,

И диву дивовалась.

« Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ . . .

Подъѣхали къ крылечку.

Я поскорѣе дверью хлопъ ,

И спряталась за печку.

Вопъ слышу много голосовъ

Взошли двѣнадцашь молодцовъ ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

« Взошли толпой, не поклонясь ,

Иконъ не замѣчая ;

За сшоль сядяшся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ братель большой ,

По праву руку братель меньшей ,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

« Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье... »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, швой сонъ?
Въщаетъ онъ веселье. »

Невѣста. « Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

« Сидишь, молчишь, ни ѣшь, ни пьешь,
И покомъ слезы почишь,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая почишь;
Глядишь на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаешь за косу,
Злодѣй дѣвицу губишь,
Ей праву руку рубишь. »

Ну, это, говоришь женихъ,

Прямая небылица!

Но не тужи, швой сонъ не лихъ,

Повѣрь, душа-дѣвица.

Она глядишь ему въ лицо.

« А это съ чьей руки кольцо? »

Вдругъ молвила невеста,

И всѣ привспали съ мѣста.

Кольцо капится и звенитъ,

Женихъ дрожитъ блѣднѣя;

Смутились госпи — Судъ гласитъ:

Держи, вязать злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Наташа!

И вся тупь пѣсня наша.

XVII.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нежной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнешь веселый день
И двинется ночная шѣнь.

XVIII.

Верхоградъ моей сестры
Верхоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блещятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

XIX.

П. А. О * * *.

Бышь можешь, ужь недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ осшаваться,
Вздыхашь о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслию всегдашней
Бродишь Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подь сѣнью липъ домашней

Когда померкнетъ ясныйъ день ,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Лепишь поскующую пѣнь
На милыхъ бросишь взоръ умильной.

XX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

Ф. А У С Т Ъ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,

Его жь никто не пресупаешь.

Вся шварь разумная скучаешь :

Иной опъ лѣни, шопъ опъ дѣль ;

Кто вѣришь, кто уграшилъ вѣру ;

Топъ насладиться не успѣль,

Топъ насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваетъ да живеть —
 И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждеть.
 Зѣвай и ты.

Ф А У С Т Ъ .

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
 Разсѣяться.

М Е Ф И С Т О Ф И Л Ъ .

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши :

Fastidium est quies — скука

Опдохновеніе души.

Я психологъ... о вошь наука!..

Скажи, когда ты не скучалъ?

Подумай, поищи. Тогда ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ швой возбуждали?

Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пыль вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечты,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнился, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызваль наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселить себя старался,
 Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
 И что же? все попустыкамъ.
 Желалъ ты славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ ли счастливъ?

Ф а у с т ь.

Пересшань,
 Не расправляй мнѣ язвы тайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —

Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайной
 Неуловимъ. Мірская честь
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочетанье
 Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грехень ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!

О пламя чистое любви!
 Тамъ, шамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія струи —
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя томную главу,
 Я счастливъ былъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!

Услужливымъ воспоминаньемъ

Себя обманываешь ты.

Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ

Дославилъ чудо красоты?

И въ часъ полуночи глубокой

Съ тобою свель ее? Тогда

Плодами своего труда

Я забавлялся одинокой,

Какъ вы вдвоемъ — все помню я.

Когда красавица твоя

Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,

Ты безпокойною душой

Ужь погружался въ размышленье

(А доказали мы съ тобой,

Что размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,

Что думалъ ты въ такое время,

Когда не думаешь никто?

Сказать ли?

Ф л а у с т ь.

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф и л ь.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!

Какъ жадно я тебя желалъ!

Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной

Я грезы сердца возмущалъ!

Любви невольной, безкорыстной

Невинно предалась она...

Чтожь грудь моя теперь полна

Тоской и скукой ненавистной?...

На жертву прихожи моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,

Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

Такъ безрасчетный дуралей,

Вошше рѣшась на злое дѣло,

Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,

Бранишь ободранное тѣло;

Такъ на продажную красу,
 Насытись ею шоропливо,
 Развратъ косится бояливо...
 Пошомъ изъ эшаго всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

Ф л а у с т ь.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги ошь взора моего!

М е ф и с т о ф и л ь.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, ошь тебя
 Не смѣю оплучаться я —
 Я даромъ времени не шрачу.

Ф л а у с т ь.

Что шамъ бѣлѣешь? говори.

М е ф и с т о ф и л ь.

Корабль Испанскій прехмачшовый,
 Приспашь въ Голландію готовый:
 На немъ мерзавцевъ сошни при,

Двѣ обезьяны, бочки злаша,
Да грузъ богатый шоколада...

• • • • •

Ф А У С Т Ъ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сей часъ. (*Исчезаетъ.*)

XXI.

Н. Н.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ миль и въ прозѣ и въ стихахъ :

Вы путь найдете * * * ова ,

Вел * * * , Х * * * . ова ;

К * * * , дальній вашъ родня ,

Украсилъ также книжку эпу ;

Но не найдете вы меня :

Мои стихи скользнули въ Лешу.

Что слава міра?.. дымъ и прахъ.

Ахъ , сердце ваше мнѣ дороже!...

Но , кажешся , мнѣ прудно поже

Попасъ и въ эпошъ альманахъ.

XXII.

Б У Р Я.

Ты видѣль дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда, лучъ молній озаряль
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И въшеръ бился и лепалъ
Съ ея лепучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мгль
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесь и бури.

1826.

I.

П Р О Р О К Ъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полѣтъ,

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ усшамъ моимъ приникъ,
И вырваль грѣшиной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце шрепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверсшую водвинулъ.
Какъ шрупъ въ пущынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

II.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льетъ печально свѣшь она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Ушомишельно гремитъ.

Чшо-шо слышишся родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только вершины полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвращаясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скучень,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Ошуманень лунный ликъ.

III.

ОТВѢТЪ О. Т***.

Нѣтъ, не Черкешенка она :
Но въ долы Грузіи опвѣка
Такая дѣва не сошла
Съ висошь угрюмага Казбека.

Нѣтъ, не агашъ въ глазахъ у ней :
Но всѣ сокровища востока
Не споятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

IV.

КЪ ЯЗ***.

Яз***, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣшь, не Каспальскою водою
Ты воспоилъ свою камену;
Пегась иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;

Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напишокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827.

I.

С Т А Н С Ы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни :
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ опличенъ Долгорукой.

**

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣяль просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплавателъ, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неутомимъ и швѣрдъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

II.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынныйя скалы,
Гдѣ луна шеплѣ блещеть
Въ сладкѣй часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводишь Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила :

« Сохрани мой талисманъ :

Въ немъ таинственная сила !

Онъ тебѣ любовью данъ.

Отъ недуга, отъ могилы ,

Въ бурю, въ грозный ураганъ ,

Головы твоей, мой милый ,

Не спасешь мой талисманъ.

И богатствами Востока

Онъ тебя не одаритъ ,

И поклонниковъ Пророка

Онъ тебѣ не покоришь ;

И тебя на лоно друга ,

Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ ,

Въ край родной на сѣверь съ юга

Не умчишь мой талисманъ. . . .

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранишь мой талисманъ!»

III.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А Демонъ мрачный и мяпежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жарь невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Проси, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,

И ты не даромъ мнѣ сіялъ:

Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,

Не все я въ мірѣ презиралъ.

IV.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мгль ночей,
Поеть надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувспвуеть, не внемлеть,
И подь влюбленный гимнь колеблеться и дремлеть.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаеть, не чувспвуеть поэта;
Глядишь, она цвѣтеть; зываешь—нѣтъ отвѣта.

V.

Ч Е Р Е П Ъ.

Прими сей черепъ, Д* * *: онъ
Принадлежишь тебѣ поправу.
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Лишовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ живошворный Аполлона;
Ну словомъ, черепъ сей храниль
Тяжеловѣсный мозгъ барона,

Барона Д * * *. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ швой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Паспора лешью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣшь.
Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянь задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, фізіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ вишою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ шрактирахъ ешалъ онъ пѣнишь пиво,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Бродить надъ берегами моря,
Мечпашъ о Лоххень, или съ горя
Спихи пишашъ, да бить Жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницею шрактира
Въ каморкѣ шемной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркаль и каршинъ,

Короткій плащъ, карпузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Плафона,
Да два воспочныхъ лексикона,
Подъ паушиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ заняпій разнородныхъ
Ученаго, да крысь голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пусшой
Почтенный мыслишель не ищеть;
Смѣясь надъ глупой суешой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищеть.
Умѣренность, вѣщаль мудрець,
Сердечь высокихъ оппечашокъ.
Сшуденшь однакожь наконецъ
Замѣшилъ важный недоспашокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелеть;
Предметъ, философамъ любезный,

Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣшь :
Но гдѣ достанешь онъ скелеть ?
Вопь онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И топчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Открылся кистеру душой
И говоришь : нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свеспи меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между шѣмъ одинъ скелеть
Помочь мнѣ вынести на свѣшь ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ :
Онъ будешь дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обищели моей.

Смушился кистерь изумленный.
 • Чшо за желанье? что за спрасшь?
 Ишти въ подваль уединенный,
 Встревожишь мершвыхъ сонъ почтенный
 И одного изъ нихъ украсшь!
 И кшо же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Чшо скажущь мершвые пошомъ? »
 Но пиво, спраха усыпишель
 И гнѣвной совѣсти смиришель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нѣмъ.
 Ну, шакъ и бышь! Даеть онъ слово,
 Чшо къ ночи будешь все гошово
 И другу назначаешь часъ.
 Они распшались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Сшоишь герой нашъ знамениый
 У галлерей гробовой,
 И съ нимъ пресшупный кистерь мой,
 Держа въ рукъ фонарь разбиый,

Гоповъ на подвигъ роковой.
 И вопъ визжишь замокъ заржавый,
 Визжишь предапельская дверь —
 И сходяшь вишязи шеперь
 Во мракъ подвала величавый;
 Сіаньемъ пощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идушъ — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторишь звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щипы, гербы, короны;
 Въ щеславномъ плѣніи кругомъ
 Почіюшь непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы
 въ эту поэтическую минуту, если бы твой
 прадедъ, коего гробъ попался подъ руку сту-
 денца, вздумалъ за себя вступишься, ухващая

его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по часпямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелеть очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистерь лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разказалъ мнѣ его испорію, и зная, сколько я себя

люблю, успунилъ мнѣ черепъ одного изъ пѣхъ,
кошорымъ обязанъ я твоимъ сущесшвованіемъ.

Прими жь ссй черепъ, Д * * *: онъ

Принадлежитъ тебѣ поправу.

Обдѣлай ты его, баронъ,

Въ благоприсшойную оправу.

Издѣлье гроба преврати

Въ увеселишельную чашу,

Виномъ кипящимъ освяши,

Да запивай уху да кашу.

Пѣвцу Корсара подражай,

И Скандинавовъ рай воинской

Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,

Или, какъ Гамлешъ-Барапынской,

Надъ нимъ задумчиво мечшай:

О жизни мершвый проповѣдникъ,

Виномъ ли полный иль пустой,

Для мудреца, какъ собесѣдникъ,

Онъ стоить головы живой.

VI.

П О Э Т Ъ.

Пока не потребуешь поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчишь его свящая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣшей ничтожныхъ міра,
Быть можешь, всѣхъ ничтожнѣй оцъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснешся,
Душа поэта вспрепенешся,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуешь онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонить гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнь,
На берега пустынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

VII.

Близъ мѣспь, гдѣ царствуетъ Венеція злая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣшѣ Веспера по взморію плыветь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поеть.

Онъ любитъ пѣснь свою, поеть онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и шихой музы полнъ,
Умѣетъ усладить свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отъзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

VIII.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛЖОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При шолкахъ висша и боспона,
При бальномъ лепешѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаешъ геній.

Пѣвца, плененнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Капалани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

1828.

I,

Ч Е Р Н Ь.

Procul este, profani.

Поэшь по лирь вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцаль.
Онъ пѣль — а хладной и надменной
Кругомъ народъ непосвященной
Ему безсмысленно внималь.

И толковала чернь шупая:
«Зачѣмъ шакъ звучно онъ поешь?»
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?»

О чемъ бренишь? чему насъ учишь?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
 Какъ своеенравный чародѣй?
 Какъ въперъ пѣснь его свободна,
 За то какъ въперъ и бесплодна:
 Какая польза намъ отъ ней? »

П о э т ъ .

Молчи, безсмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на всѣхъ
 Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... такъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже;
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ь .

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратъевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безстыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клеветники, рабы, глупцы;
 Гнѣздящся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давашь намъ смѣлые уроки,
 А мы слушаемъ тебя.

П о э т ъ.

Подише прочь — какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйше смѣло:
 Не оживишь васъ лиры гласъ!
 Душѣ прошивны вы какъ гробы.
 Для вашей глупоспи и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, шемницы, шопоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають сорь — полезный прудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жершвоприношенье,
Жрецы ль у васъ мешлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для бисвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молишвъ.

II.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевшонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался ;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся, и въ Липву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Спруился Нѣмень : на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли роци вѣковыя,
Духовъ пристанища свяшья.
Символь Германца, на другомъ

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свой объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ космашой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Липовцы юные, въ шолпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрышый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль, съ молитвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охраняль:
Токъ Нѣмена гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Спаль прагомъ вѣчноспи для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ ушихъ,
И всякъ, пересступившій воды,
Лишень былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,
Нѣмецкой пополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ просниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ прошивныхъ доспигаль
И друга нѣжно обнималь.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
Поспаринѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ госши прилешали.

III.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Вшоропяхъ зовушь отца:
«Тяпя! пята! наши сѣпи
Пришацили мершвеца.»
Врише, врише, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эпи мнѣ робяша!
Будешъ вамъ ужо мершвець!

Судь наѣдешь, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлашь нѣчего; хозяйка,
Дай кафтанъ: ужь поплечусь...
Гдѣ жь мертвецъ?— «Вонъ, шая, э-вошь!
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
Мертвый видѣнь на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взялъ волнами,
Али хмѣльный молодець,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ попопленное шѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крушаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
« Вы, щенки! за мной ступайте!
Будешъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болшайте,
А не то поколочу. »

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хашѣ мужика,
Дѣти спяшь, хозяйка дремлетъ,
На палапяхъ мужъ лежишь,
Буря воешь; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучишь.

« Кто тамъ? » — Эй, вступи, хозяинъ! —

« Ну, какая тамъ бѣда? »

« Что ты ночью бродишь, Каинъ? »

« Чоршъ занесъ тебя сюда; »

« Гдѣ возишься мнѣ съ шобою? »

« Дома тѣсно и темно. »

« И лѣнивою рукою »

« Подымаешь онъ окно. »

Изь-за тучь луна капишся —
Что же? голый передь нимь :
Сь бороды вода струишся,
Взорь открышь и недвижимь,
Все въ немь страшно оньмѣло,
Опустились руки внизь,
И въ распухнувшее шѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно хлопнулъ :
Госпя голаго узнавъ ,
Такъ и обмерь : чщобъ шы лопнулъ !
Прошепталъ онь задрожавъ.
Страшно мысли въ немь мѣшались ,
Трясся ночь онь напролѣшь ,
И до утра все стучались
Подь окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный :
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный госпя ждѣтъ;
Ужь съ утра погода злился,
Ночью буря наспаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воропъ.

IV.

Т Ы и В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвясь замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво спою;
Свеспи очей съ нея нѣпть силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Кобылица молодая,
Чессть Кавказскаго шавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; тебѣ заспаваю
Я смиришься подо мной:
Въ мѣрный кругъ свой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

VI.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И вынишь за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой соседъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной ошравой:
Онъ заманишь меня попомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусарь,
Вербуя рекрута, подносишь
Ему веселый Вакха даръ,

Пока воинственный угаръ
Его на мѣспѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

VII.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ :
Сспрасшей безумныхъ и мясешныхъ
Какъ упоишелень языкъ !
Но прекрати свои рассказы,
Тай, шай свои мечшы :
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты !

VIII.

И. В. С * * *.

Я не люблю альбомовъ модныхъ :
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только смѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестрошой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но швой альбомъ другое дѣло,
Охошно дань ему плачу.

Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ :
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабышь ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ ,
Какъ въ дружескій , пріятный домъ ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И даръ молитвеннымъ стихомъ .

IX.

В О С П О М И Н А Н І Е.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день

И на нѣмая спогны града

Полупрозрачная наляжеть ночи тѣнь

И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ

Часы томительнаго бдѣнья :

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ

Змѣи сердечной угрызенья ;

Мечты кипятъ ; въ умѣ, подавленномъ тоской,

Тѣснись тяжкихъ думъ избытокъ ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свитокъ :

И, съ отвращеніемъ чистая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

X.

Воронъ къ ворону лешить,
Воронъ ворону кричипъ :
Воронъ, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ :
Знаю, будетъ намъ обѣдъ ;
Въ чистомъ полѣ подь ракишой
Богашырь лежишь убишой.

Кѣмъ убишь и ошь чего,
Знаешь соколь лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколь въ рощу улешѣль,
На кобылку недругъ сѣль,
А хозяйка ждешъ милóва,
Не убишаго, живова.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова шучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ зависпливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и шerpънье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью упомленный,
Равнодушно бури жду:
Можешь быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду....
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный часъ,
Сжаль пвою, мой ангель, руку
Я спъшу въ послѣднѣй разъ.

Ангель кропкѣй, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости,
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнишь душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И опвагу юныхъ дней.

XII.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вошь уже мечшою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весной?
И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положень сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли пошъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣпокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и границъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходишь маленькая ножка,
Вьешся локонь золотой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

Увы, напоминають мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И снѣжь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаюшь мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

XV.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недоувѣрчиво и жадно
Смотрю я на свои цвѣты.
Кто, строгій стойкъ, примешь хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадашь вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вътрєнный Зоиль,
Когда бѣ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!

Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда въ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

TO DAWE, ESQ^R.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуешь мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищеть Мефистофиль.

Рисуй * * * черты.

Въ жару сердечныхъ вдохновеній,

Лишь юности и красоты

Поклонникомъ быть долженъ гений.

1829.

Е. Н. У * * * В О Й.

Вы избалованы природой;
Она приспраспна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.

Но красны воспомянье
Намъ сердце прогаешь шайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневоля
Придешь вамъ пошь, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр * * * поле
Еще заборъ не заграждалъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю пшичку выпускаю
При свѣпломъ праздникѣ весны.
Я спалъ досшупень утѣшенью ;
Зачто на Бога мнѣ ропшати,
Когда хошь одному шворенью
Я могъ свободу даровати !

II.

И Н О С Т Р А Н К Ъ.

На языкъ, шебъ невняшномъ,
Сстихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукъ чувство погубя,
Богошворишь не переспану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя чершы взирая,
Вѣрь шолько сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его спрасстей не понимая.

III.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ пльнишельная сладось
Пройдешъ вѣковъ зависшливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешъ о славъ младось,
Ушѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

IV.

К. А. Б * * *.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумаешь не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумаешь, я скажу все поже.

V.

П Р І Я Т Е Л Я М Ъ.

Враги мои, покамѣсь я ни слова...

И, кажешся, мой быстрый гнѣвъ угасъ;

Но изъ виду не выпускаю васъ,

И выберу когда нибудь любаго:

Не избѣжишь пронзительныхъ когтей,

Какъ налечу нежданный, беспощадный.

Такъ въ облакахъ кружишься ястребъ жадный

И спорожишь индѣекъ и гусей.

VI.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дишя зари.
Не говори:
Такъ вянешь младосць!
Не говори:
Вопшь жизни радосць!
Цвѣткѣ скажи:
Просши, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

VII.

С Т А Р И К Ъ.

Ужь я не шопъ любовникъ сшрасшной,
Кому дивился прежде свѣшъ :
Моя весна и лѣшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я швой служитель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бѣ могъ родишься снова,
Ужь шакъ ли бѣ я шебѣ служиль!

VIII.

Охошникъ до журнальной драки ,.
Сей усыпительный Зоиль
Разводитъ опиумъ черниль
Слюнею бѣшеной собаки.

IX.

П Р І Я Т Е Л Ю.

Не пришворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

X.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною шоской,
Я шомлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

ХІ.

КЪ * * *.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часшо омрачѣнь,
Зачѣмъ на все подьемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбишь вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Ошъ юности, ошъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

XII.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богашъ; иди къ вѣнцу:
И богашство ей присшало,
И рога шебѣ къ лицу.

XIII.

У ЕДИНЕНІЕ.

Блажень, кшо въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ шрудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кшо скрышь, по милоспи Творца,
Ошь усыпишея глупца,
Ошь пробудишея нахала.

XIV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносень Оирсъ ученый,
Педаншъ надушый и мудреный:
Онъ важно судишь обо всѣмъ,
Всего онъ знаешь понемногу.
Люблю шебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

XV.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шумъ о нихъ спашейку писнулъ,
Безъ подписи жъ пуспивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуму
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня вминушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XVI.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младоспъ
Имянинницы у насъ.
Между пѣмъ диша крылашо,
Васъ привѣшсшвужа, друзья,
Вшайнѣ думаетъ: когда-шо
Имянинникъ буду я?

XVII.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ

Свистъ ;

Мараешь онъ единымъ духомъ

Листъ ;

Потомъ всему терзаетъ свѣшу

Слухъ ;

Потомъ печатаешь : и въ Лешу

Бухъ !

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ * * *.

Судьба свои дары явишь желала въ нѣмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И просодушіе съ язвительной улыбкой.

XIX.

Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный;

Эмиль челоѣкъ *пустой*.

Да ты чѣмъ *полонъ* шушь нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XX.

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Расчетъ корошокъ мой съ тобой:
Ну, шакъ, я празденъ, я безъ дѣла;
А ты бездѣльникъ дѣловой.

XXI.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумирь,
За споломъ законодашель,
Гдѣ до утра слово пей
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просшорень кругъ гостей,
А кружокъ бушолокъ шѣсень.

XXII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жь новаго? — « Ей Богу ничего. »

— Эй не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.

Не стыдно ли, отъ друга своего,

Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.

Нль ты сердись: помилуй, брашь, за что?

Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...

« Охъ! опвяжись, я знаю только то,

Что ты дуракъ, да эшо ужь не ново. »

XIII.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодаши;

Съ счасіемъ у васъ разладъ:

И прекрасны вы не ксшаши

И умны вы не впопадъ.

XXIV.

КЪ Б * * *.

Спихъ каждый повѣсти швоей
Звучишь и блещешь какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А швой Зоиль прямой Чухонецъ.

XXV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказала злато;

Все мое, сказалъ булатъ.

Все куплю, сказала злато;

Все возьму, сказалъ булатъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,

Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.): одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казненъ 8 пермидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой шѣлгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1825. I. Андрей Шенье.....	7.
II. Сожженное письмо.....	16.
III. Желаніе славы.....	17.
IV. Вакхическая пѣсня.....	19.
V. (Если жизнь тебя обманешъ).....	21.
VI. Сафо.....	22.
VII. Козлову. <i>По полученіи отъ него Чернеца</i>	23.
VIII. Къ * * *.....	25.
IX. Прозаикъ и поэтъ.....	28.
X. Движеніе.....	29.
XI. Дружба.....	30.
XII. Соловей и Кукушка.....	31.
XIII. Совѣщъ.....	32.
XIV. (Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной).....	33.
XV. 19 Окпября.....	34.
XVI. Женихъ. <i>Простонародная сказка</i> ...	44.
XVII. (Въ крови горитъ огонь желанья)...	56.
XVIII. (Верхоградъ моей сестры).....	57.
XIX. П. А. О * * *.....	58.
XX. Сцена изъ Фауста.....	60.
XXI. Н. Н. <i>При посылкѣ ей Невскаго Альманаха</i>	68.
XXII. Буря.....	69.

	Стран.
1826.	
I. Пророкъ	73.
II. Зимняя дорога	75.
III. Опвѣсть Ѳ. Т * * *	78.
IV. Къ Яз * * *	76.
1827.	
I. Стансы	83.
II. Талисманъ	85.
III. Ангель	88.
IV. Соловей	90.
V. Черепъ. <i>Посланіе къ Д * * *</i>	91.
VI. Поэтъ	100.
VII. (Близъ мѣспъ, гдѣ царствуетъ Венеція злая). <i>Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье</i>	102.
VIII. Княгинѣ З. А. Волконской. <i>Присылкъ ей поэмы: Цыганы</i>	103.
1828.	
I. Чернь	107.
II. (Спо лѣтъ минуло, какъ Тевпонъ). <i>Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валленродъ</i>	111.
III. Упопленникъ. <i>Простонародная сказка</i>	114.
IV. Ты и Вы	120.
V. (Кобылица молодая). <i>Подражаніе Анакреону</i>	121.
VI. Опвѣсть Капенину	122.
VII. Наперсникъ	124.
VIII. И. В. С * * *	125.
IX. Воспоминаніе	127.

	X. (Воронъ къ ворогу лешитъ). <i>Шотландская пѣсня</i>	129.
	XI. Предчувствіе	131.
	XII. Цвѣтокъ	133.
	XIII. (Городъ пышный, городъ бѣдный).	135.
	XIV. (Не пой, красавица, при мнѣ)	136.
	XV. Опвѣтъ А. Н. Голповцовой	138.
	XVI. To Dawe Esqr.	140.
1829.	Е. Н. у * * * вой. <i>Вѣ Альбомъ</i>	143.

Разныхъ годовъ:

	I. Ппичка	147.
	II. Иностранкѣ	148.
	III. Къ портрету Жуковскаго	149.
	IV. К. А. Б * * *	150.
	V. Пріятелямъ	151.
	VI. Роза	152.
	VII. Старикъ <i>Иѣ Маро</i>	153.
	VIII. (Охотникъ до журнальной драки)	154.
	IX. Пріятелю	155.
	X. Лилѣ	156.
	XI. Къ * * *	157.
	XII. (У Кларисы денегъ мало)	158.
	XIII. Уединеніе	159.
	XIV. Добрый человекъ	160.
	XV. <i>Ex ungue leonem</i>	161.
	XVI. Имянины	162.
	XVII. Исторія спихотворца	163.

	Стран.
ХVIII. Къ портрету * * *.....	164.
ХIX. (Хоть впрочемъ онъ поэтъ изряд- ный).....	165.
ХХ. (Какъ брань тебѣ не надоѣла)	166.
ХХI. Веселый пиръ.....	167.
ХХII. Любопытный.....	168.
ХХIII. (Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодапи). 169.	
ХХIV. Къ Б * * *.....	170.
ХХV. Золошо и булашъ.....	171.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.